

Константин СИМОНОВ

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Дальневосточные заметки

ОДИН ИЗ ТЕХ, О КОМ ПИСАТЬ НЕ ПРИНЯТО...

А Я ВСЕ-ТАКИ напишу...

Сегодня днем он открывал во Владивостоке митинг, посвященный 22-й годовщине Дня Победы. Открывал по обязанности и по праву первого секретаря Приморского крайкома партии. Но было у него на это еще и другое, не менее высокое нравственное право — право ветерана Великой Отечественной войны, много и трудно воевавшего, четыре года подряд отдававшего этой тяжелой войне все, что у него было, — жизнь, молодость, здоровье.

Рядом с военными моряками, отдавая дань памяти погибшим, стоял на трибуне без шапки широкоплечий, грузный человек в штатском — Василий Ефимович Чернышев, генерал-майор запаса, секретарь Барановичского подпольного обкома, командир знаменитого партизанского соединения, взявшего в плен в последних боях на белорусской земле, летом 1944 года, 22 тысячи немецких солдат и офицеров. Именно его соединение вместе с другими помогло армии сделать так, чтобы немцы не вырвались на Запад отсюда, из большого котла под Минском.

Стоял под горячим солнцем с непокрытой головой грузный штатский человек в черном костюме, увешанный орденами, еле помещающимися на широкой груди. Звезда Героя Советского Союза, ордена Ленина, Красного Знамени, полководческий орден Суворова 1-й степени, польский Военный крест Грюнвальда за то, что воевал против фашистов вместе с поляками...

Даже немножко странно было потом, несколько часов спустя, сидеть с ним рядом в холодке на лавке возле дома. Орденов уже не было и в помине, на голове — кепчонка, на плечах брезентовый старый бушлат. Вид пожилого рыбака. Так, впрочем, и было. Вопреки запрещению врачей он после очередного сердечного приступа все же собрался улизнуть на рыбалку.

Война стоила здоровья, гибели двух сыновей и жены. Многого стоила война, может быть, даже слишком многого для одного человека...

Но после войны земля лежала в развалинах, и надо было засучив рукава работать. Работать так же много и трудно, как во время войны воевали. И он работал не покладая рук. В Бресте, в Минске, а потом, когда вспомнили, что он до партийной работы учился в институте инженеров морского транспорта, — в Калининграде. Сначала налаживал рыбную промышленность там, потом перебрали сюда, в Приморье.

Теперь девятый год работает здесь. Влюблен в Дальний Восток сильно, безвозвратно, как бы это получше сказать — яростно! Любит здесь все. И удивительную здешнюю природу, и океан, в разные концы которого каждый день уходят из Владивостока и Находки бесчисленные рыболовные и морские суда. И этот прекрасный город: бухту, всю в золотых огнях судов; сопки с бесчисленными стрелами строительных кранов.

Не могу отделаться от ощущения, что рядом со мной сидит словно бы не один человек, а сразу два. Один — влюбленный в людей и в работу, сильный и любящий яростно трудиться; и другой человек, еще не старый, но с частыми сердечными приступами, с категорическими запрещениями врачей много ходить, двигаться, перегружать свое больное сердце, то есть делать все то, что он продолжает каждый день делать.

И первый из этих двух людей все-таки ежедневно побеждает второго. И эта победа над болезнями — еще одна трудная и повседневная работа, добавленная ко всем тем другим, трудным и повседневным, которые составляют жизнь секретаря крайкома.

Продолжение. Начало см. в «Правде» за 17 июля.

На всех должностях и постах, на больших и маленьких, встречаются люди и сильнее и слабее. Сама по себе должность человека еще ничего не говорит о нем. Или, выражусь чуть помягче, — говорит далеко не все. Но если на большой должности трудится человек с большой душой и характером, хочется сказать о нем доброе слово, даже когда это вроде бы и не принято по должности.

ЧИТАЮЩИЕ ЛЮДИ

БОЛЬШАЯ Колымская трасса. Дорога Магадан — Усть-Нера, связывающая Колыму с Якутией. Трасса длинная, 1.168 километров, серьезная, работающая круглый год. Современные порядки и оборудование, ремонтные базы, заправки, столовые, дома отдыха для водителей.

Водители здесь не гонят день и ночь, сидя за баранкой, от Магадана до Усть-Неры. Теперь другой порядок. Проехал свои семь-восемь часов, отработал смену, останавливайся, ешь, отдыхай, ночуй. Завтра поведешь дальше другую машину. А твою поведет уже отдохнувший, сменивший тебя шофер.

Так вот, на этой трассе, у самого шоссе, в поселке Атка, который когда-то вместе с другими заключенными строил умерший здесь старый коммунист, рабочий-поэт Василий Князев, автор знаменитой песни «Коммунары не будут рабами!», стоит небольшой, обыкновенный, неказистого вида, но, впрочем, добротно построенный домик — книжный магазин. Районный книжный магазин, далеко не единственный на этой трассе.

Захожу в этот магазин и удивленно останавливаюсь. На открытых полках такое обилие книг по самым разным специальностям, такой богатейший выбор, что глаза разбегаются!

Купив несколько книг, начинаю думать: а может быть, грешным делом, засылают сюда и лишнее? Может быть, это как раз одно из тех мест, где затовариваются, залеживаются книги? Спрашиваю девушку-продавщицу: как торгуете? Оказывается, торгует неплохо. Прошлый месяц план был 1.300 рублей, а выполнили на 1.400. Задумываюсь. Что значат эти 1.400 рублей? Много или мало?

Это значит, что здесь, только в этом районном книжном магазине, при средней цене книги в пятьдесят копеек купили 2.800 книг, то есть купили по сотне книг каждый день.

А поселок небольшой. А трасса рабочая, трудовая, на которой подолгу не останавливаются, времени не теряют.

Как я узнаю впоследствии, современная Колыма — Магаданская область по числу выписываемых на душу населения газет и журналов и по числу продаваемых и получаемых по подписке книг стоит на первом месте во всем Советском Союзе. Магаданская область — на первом. Камчатская область — на втором. В Приморском крае в среднем на каждую семью выписывается пять газет и журналов.

Здесь, на Дальнем Востоке, живут читающие люди. Много и внимательно читающие. Об этом говорят не только цифры. Говорят книжные полки в каждой квартире. Говорят вопросы и записки на литературных вечерах. Говорит вот этот маленький домик в маленьком поселке Атка, книжная лавка, в которой каждый день покупают по сто книг.

НЕБОЛЬШОЙ РАЙОН...

— НАШ район небольшой, — говорит секретарь райкома Георгий Павлович Федотов.

Мы сидим в районном центре, поселке Провидения. 10 часов разницы поясного времени с Москвой и полторы сотни километров морем до Аляски.

— Небольшой... — повторяет секретарь райкома. — Один из самых молодых районов нашей Магаданской области. В ней есть районы и постарше и побольше.

Но, конечно, если на западные масштабы, то он порядочный. На его территории, к примеру, могло бы разместиться три Ленинградских области...

Слова «западные масштабы», «Запад» звучат здесь иначе, чем у нас в Москве. У нас «Запад» — это Берлин или Париж, «западные масштабы» — Голландия или Бельгия. Здесь, на Дальнем Востоке, говоря «там, на Западе», иногда подразумевают Москву, иногда Урал, а иногда и Красноярск.

Отсюда, от Бухты Провидения, до Красноярска около пяти тысяч километров на запад.

Один из наших собеседников, Федотов, — русский, второй собеседник — секретарь окружного комитета, приехавший сюда вместе с нами из Анадыря. Путь был долгий и сложный. Николай Михайлович Айнаев — чукча, родился и вырос здесь, на Чукотке, в яранге оленевода, а высшее образование получил в Ленинграде, как многие другие люди советского Севера.

Провиденский район — многонациональный. На его территории живут русские, чукчи, эскимосы... Расстояния огромные, снега лежат незабылемо почти круглый год. Есть такие дороги, по которым сверхмощные вездеходы идут со скоростью 3—4 километра в час.

И, однако, при всех этих условиях каждый ребенок должен учиться в школе и кончать ее своевременно, точно так же, как он кончает ее в Хабаровске или Москве, и каждый больной должен получать медицинскую помощь, и у каждой роженицы должны быть своевременно приняты роды, и люди должны смотреть кино, и слушать радио, и читать газеты.

Так вот, для того, чтобы люди нормально жили, для того, чтобы дети нормально росли в этих труднейших условиях отдаленности и разобщенности, для того, чтобы здесь не было ни хронических заболеваний, ни малограмотности, Советская власть уже давно предприняла и продолжает предпринимать поистине героические усилия.

Несколько цифр лучше, чем всякие высокие слова, дадут представление об этом.

В районе на каждые 8 учеников — один учитель.

В районе на каждые 120 человек — врач.

В районе есть санаторно-лесная восьмилетняя школа, в которой живут на полном государственном обеспечении 120 детей, предрасположенных к заболеванию туберкулезом.

В районе множество школ-интернатов и детских садов, в которых дети живут постоянно.

Несколько слов о расходах государства, связанных с условиями таких районов, как этот. Не обо всех расходах, только о некоторых.

Содержание каждого ребенка в детском саду с полным пансионом обходится здесь в 82 рубля в месяц. Если вывести по району средние цифры, то 10 рублей из этих 82 уплатят родители, а 72 — государство.

Содержание ребенка в школе-интернате, учитывая все затраты на жилье, питание, уход, на заработную плату учителей и обслуживающего персонала, обходится здесь в 274 рубля в месяц. Причем треть детей живет в школах-интернатах на полном государственном обеспечении, за вторую треть детей родители платят по 54 рубля в месяц, а государство — по 220, и лишь за одну треть детей родители платят от двадцати до пятидесяти процентов стоимости их содержания.

Пребывание больного, поступившего в больницу на полное обеспечение государства, здесь, в условиях крайней отдаленности, обходится Советской власти в 504 рубля в месяц.

Вот они, эти несколько цифр, сильнее всяких слов говорящие здесь, на Севере, людям, что это такое — Советская власть, которая эти доставшиеся ей в наследство от царской власти районы вымирания сделала районами нормального человеческого существования.

Во Владивостоке начинается новый день.

Фото Е. Халдея.